

Валерий Брюсов

**Рецензии (на произведения И.
Анненского)**

Валерий Яковлевич Брюсов

Рецензии (на произведения И. Анненского)

«Оба этих стихотворных сборника должны быть выделены из числа других. Это ещё не поэзия, но уже предчувствие поэзии, обещание её. И. Рукавишников печатает третью книгу стихов. Сравнительно с двумя первыми он достиг многого. Значительно овладел стихом и вообще словом; что-то угадал в самом себе. Словно он подошёл вплотную к тонкой перегородке, отделяющей его от истинного творчества...»

Содержание

Тихие песни	0005
Лаодамия	0007
Кипарисовый ларец	0009
Фамира-кифаред	0012

Валерий Брюсов
Рецензии (на произведения
И. Анненского)

Тихие песни

Оба этих стихотворных сборника должны быть выделены из числа других. Это ещё не поэзия, но уже предчувствие поэзии, обещание её. И. Рукавишников печатает третью книгу стихов. Сравнительно с двумя первыми он достиг многого. Значительно овладел стихом и вообще словом; что-то угадал в самом себе. Словно он подошёл вплотную к тонкой перегородке, отделяющей его от истинного творчества. Ещё усилие – преграда упадёт, и пред ним откроются бесконечные дали его мира, той единственной страны, которая уготована каждой личности, но в которую не все находят дорогу. По-видимому, И. Рукавишников человек образованный, но он шёл путём «самоучек», путём угадывания, добиваясь всего с самого начала. В его «третьей книге» много интересных попыток: пробы свободного стиха, искания новых впечатлений в повторении слов, в переломах размеров; некоторые стихотворения оригинально задуманы, картины схвачены с новой точки зрения; хотя нет ни одной пьесы, которая была бы хороша

вся до конца. Главные недостатки И. Рукавишникова – мучительная проза, на которую слишком часто сбиваются его стихи, – проза и по форме, и по содержанию, – и затем излишнее пристрастие к разным ужасам, к мрачным образам и байроническим восклицаниям, которые нисколько не пугают и не потрясают, а часто просто смешны. Чтобы создать свою «поэзию ужаса» у И. Рукавишникова ещё нет сил.

Книга Ник. Т-о – дебют неизвестного нам автора. У него хорошая школа. Его переводы, часто непозволительно далёкие от подлинника, из Бодлера, Леконт де Лиля, Верлена, Малларме, Роллина, Рембо, Корбьера, Шарля Кро показывают, по крайней мере, что он учился у достойных учителей. В его оригинальных стихотворениях есть умение дать движение стиху, красиво построить строфу, ударить рифму о рифму как сталь о кремень; иногда он достигает музыкальности, иногда даёт образы, не банальные, новые, верные. В нём есть художник, это уже явно. Будем ждать его работы над самим собой.

Аврелий

Лаодамия

Наиболее интересное произведение в сборнике – трагедия «Лаодамия» И. Ф. Анненского. Но г. Вяч. Иванов в «Тантале» дал нам образец такого полного воссоздания античной трагедии, что нам трудно теперь примириться с менее совершенными попытками в том же направлении. У Вяч. Иванова воспроизведен в диалогах метр подлинника (ямбический триметр), для хоровых частей найдены размеры если не соответствующие, то аналогичные греческим, самый язык строго выработан в духе языка Эсхила и Софокла, и все построение драмы подчинено правилам античной трагедии. Ничего этого, или почти ничего, нет у г. Анненского. У него «условно»-античная трагедия, где действующие лица говорят, как у Шекспира, четырехстопным ямбом, а хору предлагается петь рифмованные стихи. Всего же несноснее в драме язык, какой-то бесцветный, хотя и аестрый, усыпанный (не нарочно ли?) выражениями – как «футляр», «аккорды», «легенды», «фетр», «скрипка», «атлас», совершенно уничтожаю-

щими иллюзию античности, хотя в то же время допускающими такие не всем известные слова как «фарос» (плащ), «айлинон» (восклицание скорби), «кинамон» (корица) и т. д. Впрочем, миф о Лаодамии (недавно прекрасно пересказанный г. Зелинским в «Вестнике Европы») дает так много поэту, что трагедия читается не без интереса. Наиболее удалась автору центральная сцена: появление тени Протесилая; слабее всего – начало, вялое, растянутое и написанное в самых условных тонах.

Аврелий

Кипарисовый ларец

О И. Ф. Анненском последний год писали и говорили много. Несомненно, к нему приближалась запоздалая, но совершенно им заслуженная широкая известность. Истинный поэт, тонкий критик, исключительный эрудит, человек во всем и всегда оригинальный, на других не похожий, И. Анненский должен был, наконец, обратить на себя внимание и «большой публики». Как все помнят, неожиданная смерть оборвала его деятельность именно в ту пору, когда она начала приобретать общественное значение и настоящее влияние.

Второй, уже посмертный, сборник стихов И. Анненского содержит сотню стихотворений, искусственно и претенциозно распределенных в «трилистники» (по три) и «складни» (по два). Различные по глубине замысла и по тщательности выполнения, все эти стихотворения объединены тем, что Баратынский назвал «лица необщим выражением».[1] И. Анненский обладал способностью к каждому явлению, к каждому чувству подходить

с неожиданной стороны. Его мысль всегда делала причудливые повороты и зигзаги; он мыслил по странным аналогиям, устанавливающим связь между предметами, казалось бы, вполне разнородными. Впечатление чего-то неожиданного и получается, прежде всего, от стихов И. Анненского. У него почти никогда нельзя угадать по двум первым стихам строфы двух следующих и по началу стихотворения его конец, и в этом с ним могут соперничать лишь немногие из современных поэтов. Эпитеты, сравнения, обороты в стихах И. Анненского, даже самые выбираемые им слова, всегда свежи, не использованы... Его можно упрекнуть в чем угодно, только не в банальности и не в подражательности. Манера письма И. Анненского – резко импрессионистическая; он все изображает не таким, каким он это знает, но таким, каким ему это кажется, притом кажется именно сейчас, в данный миг. Как последовательный импрессионист, И. Анненский далеко уходит вперед не только от Фета, но и от Бальмонта; только у Верлена можно найти несколько стихотворений, равносильных, в этом отно-

шении, стихам И. Анненского. Впрочем, кое-где он явно старается сознательно о таком импрессионизме, и поэтому некоторые его стихотворения не просты, надуманы. В общем, однако, его поэзия поразительно искренна. Его стихи раскрывают перед нами душу нежную и стыдливую, но слишком чуткую, и потому привыкшую таиться под маской легкой иронии. И эта ирония стала вторым лицом И. Анненского, стала неотделима от его духовного облика.

Своеобразные, капризные ритмы и намеренно неправильный, хотя изысканно обдуманый стиль И. Анненского прекрасно подходит к духу его поэзии.

Фамира-кифаред

Поэт-импрессионист в лирике, И. Анненский желал остаться импрессионистом и в драме. В то же время любовь к древнему миру и многолетняя работа над переводом Еврипида влекли Анненского к сюжетам античным. Из этих стремлений возникла quasi-античная драма, разработанная импрессионистически. У своих великих учителей, греческих трагиков, Анненский заимствовал не только внутреннее строение драмы: единство и сжатость действия, остроту трагического конфликта, идею «катарсиса», но и многие внешние приёмы, в том числе участие в действии хора. Однако, всё это видоизменено в драмах Анненского приёмами, которые античной поэзии чужды совершенно. Он не только вводит в драму прозу и рифмованные стихи, не только дает обширные ремарки, написанные не без влияния недавнего «декадентства», но и своих героев заставляет чувствовать и говорить по современному, языком нервным, ломающимся, иногда почти «неврастеническим». Отдельные сцены опре-

деляются автором, то как сцена «бледно-холодная», «темно-сапфирная», «ярко-лунная», то как сцена «багровых лучей», «голубой эмали», «черепаховых облаков» и т. п. Характеризуя своих героев, автор пользуется такими, наприм., выражениями: «Лицо у неё молодое и розовое, но склонно быстро бледнеет под влиянием как-то разом потухающих глаз... Ноги белы и очень малы, но след широкват и ступня растоптана». Делая ремарки, отмечает «странный контраст на цветущем лугу экстаза летающих тирсов, низко открытых шей, размётанных кос, бега, свиста, смеха и музыки с неподвижной, точно уснувшей, нимфой на белом камне». Нимфа у Анненского мечтает такими словами:

*О, нимфа, так ли это? А цветы?
Твои цветы? И эта ночь... Была ли
Когда-нибудь мэнада беспокой-
ней?*

Фамира вспоминает:

*О, закат –
Был только нежной гаммой...*

Хор поёт:

*О, Дионис,
Нежно-лилейный,
Только коснись,
Сладостно-вейный,
Затканно-цветных,
Нежно-ответных
Воздухов-риз...*

Наконец, Анненский сознательно допускает в свои стихи «руссцизмы» и выражения, древнему миру неизвестный. Силен возвращается «с вердиктом», хор характеризует «скрипача» – «ума палата», в траве слышится шелест – «сравненье-то, фу-ты, ну-ты», далее встречаем «мираж», «душка», «левада», «деньги», «ау», а некто (это в мифическом веке!) советует «иногда заглядывать в Геродота». Все это смешано притом с выражениями и оборотами, прямо заимствованными из античной поэзии. Мы не думаем, чтобы крайности этой манеры Анненского (а в смешении античного с современным он любит доходить именно до крайностей) увеличивали художественную ценность его драмы. Не думаем уже потому, что сама по себе, независимо от причудливого стиля, она глубоко задумана и пре-

красно построена. «Фамира-кифарэд» бесспорно гораздо выше, чем другая драма Анненского, напечатанная несколько лет назад – «Лаодамия». Античный миф в «Фамире» (кифарэд Фамира вызывает на состязание муз и, побежденный, в наказание лишается навсегда музыкального дара) трактован очень тонко и обоснован психологически. Характеры действующих лиц, самого Фамиры, его матери-нимфы, старухи-няньки и др., вырисованы отчетливо. Действие драмы развивается с логической неизбежностью, и многие сцены исполнены истинного трагизма. В общем, даже не соглашаясь с приёмами Анненского, читаешь его драму с настоящим волнением, как значительное художественное произведение, и не можешь еще раз не пожалеть горько, что деятельность такого поэта была прервана именно в те годы, когда достигла своего полного развития.

Сноски

Лица необщим выражением. – из стихотворения Баратынского «Муза».

[^^^]